

Ю.Е. Березкин

О СТРУКТУРЕ ИСТОРИИ¹

Weltanschauung — один из терминов немецкой классической философии. На другие европейские языки его переводят как «образ мира» или «картина мира», хотя более точным кажется «видение мира», что предполагает элемент активного личностного постижения. Антропологи давно занимаются изучением картин мира небольших по численности и далеких от нас по культуре народов, однако воздерживаются от анализа собственной культуры. Weltanschauung сложных культур вряд ли можно описать полностью, но его фрагменты анализу поддаются [Geertz 1973: 29–30].

Один из них — видение прошлого. Любой объект изучения требует структурирования, и даже ошибочно обозначенная структура лучше хаоса. Картина прошлого, которая вплоть до середины и даже до третьей четверти XX в. считалась научной в странах с европейской системой образования, в основных деталях сформировалась столетием раньше. Она предполагала деление истории на ясно разграниченные периоды, а обществ — на дискретные типы и категории. Едва ли не важнейшая разграничительная линия была проведена между обществами дописьменными и «первобытными», с одной стороны, и цивилизациями с письменностью и государственным устройством — с другой.

Дописьменное прошлое и сейчас нельзя рассматривать с тем же уровнем разрешения, с каким государственные общества. Пятьдесят и более лет назад ситуация была много хуже. Такие титаны антропо-

¹ Работа поддержана грантом РФФИ 11–06–00441 «Динамика централизации — децентрализации традиционных социально-политических систем Старого и Нового Света по археологическим, историческим и этнографическим данным». Поскольку первоначальный объем статьи потребовалось сократить вчетверо, пришлось пожертвовать и почти всей библиографией.

логии, как Ф. Боас (по крайней мере после 1910 г.) и О. Редклиф-Браун, не верили в познавательные возможности наук о прошлом и не считали изучение дописьменной истории достойным занятием [Cole 2001: 47; Radcliffe-Brown 1958: 108]. Ранние и периферийные по отношению к цивилизациям общества невелики по размеру, но многочисленны. Знать историю всех и каждого из них невозможно. Соответственно «история первобытного общества» оказывается какой-то другой дисциплиной, нежели обычная, оперирующая не только тенденциями и структурами, но и событиями со всеми присущими им элементами случайности, способными влиять на ход даже и крупномасштабных процессов.

Картина объективного мира определяется наблюдениями, но систематизация данных происходит на основании *Weltanschauung*. Откуда берется эта исходная позиция — вопрос сложный. *Weltanschauung* ученых похож на парадигмы Томаса Куна, но не сводим к ним. В духе наступавшей эпохи постмодернизма смену парадигм американский философ был склонен считать обусловленной не накоплением наблюдений, а одобрением или неодобрением коллег-специалистов [Кун 2003: 356].

Правильно описав механизм смены парадигм, Кун само развитие научного знания низвел до этого механизма. Верно, что теории не выводятся индуктивным путем из фактов [White 1946], однако принятие или непринятие новых парадигм научным сообществом определяется практикой — «лучшее доказательство истинности в испытании», писал Фирдоуси задолго до Маркса.

В гуманитарных дисциплинах говорить о практике сложно, и это, кстати, ставит под вопрос отнесение данных дисциплин к науке в узком значении термина. Однако история — это целый раздел знания, в котором методы гуманитарных и естественных наук сочетаются. Здесь невозможен эксперимент, однако возможны прямое наблюдение с однозначными выводами и использование математики. Поэтому история общества предполагает не только понимание и истолкование, как в гуманитарных исследованиях, но и познание с претензией на проверяемость выводов и в этом смысле не отличается от истории природы.

И все же чем дальше историк выходит за пределы своей частной области, тем больше его видение материала начинает определяться усвоенными едва ли не в детстве культурными стереотипами. Специалист в области естественных или точных наук тоже не разбирается во

всех разделах своей дисциплины, но он и не станет претендовать на компетентность в малознакомой области, это технически невозможно.

В истории же есть по крайней мере одна сфера, куда открыт доступ каждому, поскольку в ней нет собственных авторитетов. Это разного рода *longues durées* и сравнительные кросскультурные исследования. К выводам специалиста, занимающегося только подобными проблемами и ничем больше, его коллеги неизбежно и оправданно отнесутся скептически. Конкретные разработки и широкие обобщения не существуют одни без других. Но я говорю не о противопоставлении обобщений собиранию фактов. Именно потому, что история человечества, биологической жизни и неживой природы есть разделы единого процесса, видение истории не может быть принципиально иным, нежели видение мира — оно есть именно *Weltanschauung*, а не частная научная парадигма.

Противопоставление естественных и гуманитарных наук, столь актуальное в конце XIX в., утратило свою остроту не потому, что историки и антропологи обнаружили в своих материалах «законы», как надеялся Рэдклиф-Браун, или «ритмы», как хотел Кребер [Harris 1968: 328–337; Kroeber 1948: 316–343], а потому, что история Вселенной оказалась столь же динамичной, вероятностной и принципиально неповторимой, сколь и история культуры. Мир стал таким, каков он есть, не противореча законам природы, но знания законов недостаточно для того, чтобы просчитать наперед эволюцию мира.

Стремление поделить историю на универсальные ячейки, соответствующие ступеням, по которым человечество движется к некой цели, поддерживается присущим европейской культурной традиции образом «Великой цепи бытия» (*Great Chain of Beings*) [Лавджой 2001; Krikmann 2008]. Этот образ возник в античности, господствовал до появления «Происхождения видов», но сохранился и после Дарвина.

Все виды существ и объектов образуют иерархическую последовательность, в которой каждому отведено его место. Такая разновидность мифологического мышления удобно и экономно систематизирует мир, поэтому избавиться от нее непросто. Соответственно главный фактор, который может определить изменения в наших представлениях об истории и об обществе, — это переход от конструирования мира в виде набора объектов (периодов, типов и пр.) к его восприятию как результата взаимодействия факторов, тенденций,

опозиций, порождающих явления в их бесконечном разнообразии и постоянной динамике.

За разногласиями о выделении тех или иных единиц исторического процесса и роли конкретных событий просматривается фундаментальная альтернатива. Либо исторический процесс изначально «запрограммирован» и движется к некоей «точке омега», либо, при наличии в этом процессе подлежащих математическому описанию тенденций, он в целом непредсказуем.

Это противопоставление имеет для историков конкретное следствие. Либо мы спрашиваем, почему те или иные общества не совершили того, что им всем «положено» (не перешли к производящему хозяйству, не создали государственной организации, не придумали письменности, не освоили металлургии, не выработали институтов надобщинной демократии и пр.), либо вопрос ставится иначе: в силу каких удивительных обстоятельств те или иные общества что-то из этого совершили.

* * *

В середине XX в. американские антропологи, работавшие в рамках неозволюционистской школы Дж. Стьюарда, сделали открытие, имевшее огромные последствия для изучения древних обществ. Они осознали, что между обществами, в которых нет институализированной социальной иерархии, а самый высокий уровень организации занимает община или диффузная сеть общин, и цивилизациями с государственной организацией есть промежуточная стадия — вождество.

Сама концепция вождества как «стадии» и организационной формы с конкретным набором признаков себя не оправдала (точнее эта форма не оказалась универсальной). Но через «вождество» осуществился выход к представлению о разнообразных среднемасштабных обществах, к числу которых относится едва ли не большинство тех, которые существовали в Старом и Новом Свете в эпоху Великих географических открытий и которые изучают археологи.

Дальнейшие успехи археологии показали, что среднемасштабные общества стали появляться поразительно рано и возникали не только у земледельцев и скотоводов, но и там, где еще господствовала присваивающая экономика, хотя и специализированная на использовании определенных категорий обильных ресурсов.

Самое древнее из известных нам сложных обществ существовало на верхнем Евфрате в 10–9 тысячелетиях до н.э. Здесь на холме Гебек-

ли-тепе находился культовый центр, размах строительных и каменотесных работ в котором поражает. Внутри круглоплановых каменных сооружений, которые скорее всего не имели кровли, возвышались десятки стел высотой от трех до пяти метров, украшенных рельефными изображениями людей и животных, в том числе выполненных в высоком рельефе. Гебекли-тепе венчает гребень холма над равниной. Это поселение, со всей очевидностью, являлось не просто местом обитания отдельной общины, но центром, куда сходились нити социальных связей, объединявших сотни (если не тысячи) людей.

В том же районе, судя по выступающим на поверхность верхним торцам стел, находится еще один монументальный центр подобного типа, Карахан, который пока не раскопан. Следов выращивания растений в Гебекли не обнаружено. Строители комплекса, вероятно, могли заготавливать зерно дикорастущих злаков, но они были прежде всего охотниками. Гебекли — это поистине монументальный центр, который мало кто ожидал обнаружить в Анатолии раньше эпохи бронзы.

За последние полвека получены данные о существовании ранних сложных обществ во многих районах мира. Культуры, от которых дошли следы крупномасштабных строительных и каменотесных работ или же богатые захоронения, исключительная ценность инвентаря которых не условна, а абсолютна и может быть приблизительно выражена в килокалориях и трудоднях (золото, нефрит, ткани), появились на Балканах в 5 тысячелетии до н.э. (винча и варна), в Туркмении и Иране — не позже середины 3 тысячелетия до н.э., в Китае — не позже (а, возможно, существенно раньше) начала 3 тысячелетия до н.э. (лянчжу), в евразийских степях — на рубеже 3 и 2 тысячелетия до н.э. (синташта), в Новом Свете на юго-востоке США в начале 2 тысячелетия до н.э. (Поверти-Пойнт), в Колумбии — около рубежа нашей эры (ла толита, йотоко, малагана), в Перу — в конце 4 — начале 3 тысячелетия до н.э. Все это намного раньше, нежели формирование на соответствующих территориях ранних государств, если таковые вообще появлялись до начала экспансии европейской цивилизации.

Далее археологи показали, что целый ряд обществ, которые по всем признакам должны были обладать государственной организацией, не имели письменности или во всяком случае не оставили после себя памяти ни в письменных документах их наследников или соседей, ни в устной традиции. Таковы Гонур, Шахдад, Джирофт и другие центры Ирана и юга Средней Азии конца 3 — начала 2 тысячелетия

до н.э., синхронные шанской цивилизации Саньсиндуй в Сычуани и Учэн к югу от устья Янцзы, Кахокия на Миссисипи в начале 1 тысячелетия н.э. и, наконец, сама урукская колыбель городской жизни, письменности и государства середины 4 тысячелетия до н.э.

Казалось бы, что тут особенного? По мере прогресса исследований мы обнаруживаем неизвестные ранее общества, в том числе и высоко развитые. Однако открытия последних десятилетий существенно отличаются от тех, в ходе которых историки узнали о Кноссе или Аньяне. Мы сталкиваемся с явлением, которое в прошлом воспринималось в качестве аномалии, но которое похоже на правило. Ранние сложные общества, как догосударственные, так и раннегосударственные (грань между теми и другими достаточно зыбкая, особенно в случае с Кахокией и городами Ирана 3 тысячелетия до н.э.), в большинстве случаев не эволюционируют в развитые государства, а распадаются.

Этот распад и регресс есть рутинный процесс, тогда как возникновение устойчивой преемственности, традиции государственности — явление редкое. В сущности, такая преемственность, т.е. превращение государственности в норму, способствующую быстрому формированию новых структур данного уровня после распада старых, имела место лишь трижды в истории: в Египте, в Месопотамии (да и то не сразу, поскольку шумеры про Урук, похоже, не знали) и в долине Хуанхэ, начиная с Эрлитоу (1800–1600 до н.э.), если этот центр соответствует династии Ся.

Из сказанного следует следующий вывод. Тот рубеж между «историческим» временем и «первобытностью», который воспринимается носителями евро-американской культуры как основополагающий в истории человечества, поскольку связан с появлением древнейших государств, соответствует переменам не столько в экономике и социальной организации, сколько в идеологии — закреплении идеи государственности в качестве нормы и формировании устойчивой, преемственной письменной традиции.

Культуры предгосударственного и даже государственного уровня, которые в древней письменной традиции остались не отражены, до сих пор игнорируются. Многие образованные европейцы знают, что такое Шумер, табличка Нармера или иньские бронзы, но число знающих слова Гонур, Саньсиндуй или Кахокия оценивается всего лишь трехзначным, если не двузначным числом.

Подтверждающим правило исключением является хараппская культура. Памятников искусства эпохи ранней и средней бронзы

в Пенджабе и Синде почти нет, монументальной архитектуры — тоже, письменность присутствует, но прочитывать надписи не удастся, как и кем управлялись четыре гигантских хараппских поселения и много средних и мелких — полнейшая загадка. Тем не менее цивилизация долины Инда вместе с Египтом, Месопотамией и Китаем после своего открытия в 1920-х годах немедленно вошла в «школьный» список образцовых древних цивилизаций Старого Света.

Причина, однако, не в том, что аргументы в пользу наличия в протоиндской цивилизации государства выглядят убедительнее, нежели сомнения относительно такого уровня, вызванные серьезными и пока необъяснимыми отличиями долины Инда от Шумера. Авторы школьных учебников истории вряд ли знакомы с аргументами «за» и «против» хараппской государственности, а лишь воспроизводят устоявшиеся клише. Первооткрыватели хараппы без труда внедрили в сознание европейцев ее образ как государства и цивилизации, потому что он был там задолго до появления археологии как науки. В XIX в. и ранее Индия воспринималась (почему — особый вопрос) как один из столпов мировой культуры, так что раскопки лишь подтвердили его прочность.

Я не хочу сказать, что отнесение тех или иных древних обществ к историческому времени и миру цивилизаций или к доистории и миру слабо дифференцируемых первобытных культур определяется только случайными причинами психологического характера и вовсе не основано на научном сравнении. Однако эти случайные причины играют все же большую роль. Археологи могут определить, с какого времени появляются предметы из золота, с какого — бронзовое литье и с какого — крупные поселения той или иной площади. Однако откуда в точности вести отчет векам китайской или перуанской цивилизации — это зависит далеко не только от прогресса исследований.

* * *

Подведем итог. Образ прошлого, каким он уже полтора столетия формируется на школьной скамье и у большинства европейцев сохраняется на всю жизнь, к началу XXI в. себя изжил. Этот образ вряд ли мог быть иным в период, когда мы располагали ограниченным набором источников. Они освещали историю небольшой части мира на протяжении небольшого временного отрезка. Сейчас объем и круг доступных знаний кардинально расширились.

Та новая картина, которая постепенно вырисовывается, свидетельствует о непрерывном усложнении культуры и общества на протяжении долгого времени — от эпохи последнего ледникового максимума до наших дней. При этом о человечестве в целом имеет смысл говорить с эпохи Великих географических открытий. Тропическая и Южная Африка и особенно Австралия долго оставались изолированы от основного, т.е. евразийского мира, частью которого была Северная Африка, включая Сахель, динамично развивавшаяся с самого начала голоцена. Америка ответвилась от этого мира примерно в то время, когда на востоке Азии распространилась керамика, а на западе появилась натуфийская культура. Это позволяет предполагать, что к началу переселения в Новый Свет предки индейцев могли уже иметь значительный культурный багаж.

Говоря о непрерывном развитии, я имею в виду не плавный переход от одного уровня организации к другому, не «великую цепь бытия», а отсутствие универсальной эволюционной лестницы и главной ступеньки на ней, добравшись до которой каждое общество переходило в совершенно новое состояние. Развитие всегда было синусоидальным, неравномерным. Новые и разнообразные формы организации возникали и исчезали. Территории, которые по тем или иным показателям занимали лидирующее положение в мире (Болгария в 5 тысячелетии до н.э.) или своем ареале (юго-западная Колумбия в первых веках нашей эры), затем могли оказаться на периферии событий.

Попытки изменить устойчивые стереотипы поведения, создать качественно новые социально-политические институты и виды хозяйственной деятельности чаще всего оканчивались крахом. Люди, которые отваживались действовать непривычным образом, делали это вынуждено, под влиянием редкого стечения обстоятельств и не имели представления о последствиях, к которым приведут их решения. Качественные изменения происходили лишь в исключительных случаях и не всегда бывали необратимы.

Единые критерии для оценки обществ разного масштаба и типа у нас, разумеется, обсуждаются, и достаточно успешные попытки поновому структурировать исторический процесс делаются. Однако исследования эти большей частью касаются все же обществ с государственной организацией [Гринин, Коротаев 2008; Коротаев 2003; Коротаев и др. 2005; 2007; Турчин 2007]. Включение в сферу подобных исследований догосударственных обществ сопряжено с объективны-

ми трудностями, прежде всего с обилием материала, который при этом сложно извлечь из источников.

Попробуйте обобщить сведения о том, где, когда и в каких формах существовали среднemasштабные общества определенного типа, и вам придется проштудировать значительную часть литературы по археологии и этнографии мира. Попробуйте составить карты, на которых для разных эпох будет показан хотя бы такой элементарный признак, как распространение культур знакомых и незнакомых с производством керамики — здесь потребуется не только просмотреть тысячи книг и статей, но порой и ждать результатов новых раскопок.

И все же основная проблема не техническая, а мировоззренческая. Предварительные и регулярно обновляемые карты распространения любых элементов культуры давно можно было бы составить, объем продукта и потребление энергоресурсов на душу населения подсчитать, графики изменений показателей построить, если бы научное сообщество считало все это достойной целью. Подавляющее большинство исследователей заняты конкретными разработками, и было бы странно их этим попрекать. Эпохальные же тенденции и глобальные закономерности редко интересуют тех, кто способен отличить Триполье В от Триполья С1 или ымыяхтахскую керамику от белькачинской. Только эти люди и обладают нужной информацией, но какое у них видение прошлого — сказать не берусь.

Библиография

Гринин Л.Е., Кортаев А.В. Социальная макроэволюция. Генезис и трансформации мир-системы. М., 2008.

Кортаев А.В. Социальная эволюция. Факторы, закономерности, тенденции. М., 2003.

Кортаев А.В., Малков А.С., Халтурина. Законы истории: Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М., 2005.

Кортаев А.В., Малков А.С., Халтурина. Законы истории: Математическое моделирование развития мир-системы. Демография, экономика, культура. М., 2007.

Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Кун Т. Структура научных революций. М., 2005. С. 327–358.

Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. М., 2001.

Cole D. “The greatest thing undertaken by any museum?” Franz Boas, Morris Jesup, and the North Pacific Expedition // Gateways. Washington, 2001. P. 29–70.

- Geertz C.* The Interpretation of Cultures. N.Y., 1973.
- Harris M.* The Rise of Anthropological Theory. A History of Theories of Culture. N.Y., 1968.
- Kroeber A. Anthropology. N.Y., 1948. P. 316–343.
- Krikmann A.* The Great Chain of Beings as the background of personification and depersonification in proverbs and elsewhere // Actas of the 1st Interdisciplinary Colloquium on Proverbs. Tavita (Portugal), 2008.
- Radcliffe-Brown A.R.* Method in Social Anthropology. Chicago, London, 1958.
- White L.* Kroeber's «Configurations of Culture Growth» // American Anthropologist. 1946. 48. P. 77–93.

Рис. 1. Сидящее божество и адорант в древней иконографии Переднеазиатского круга. Вверху: энеолитические изображения из южной Туркмении (рисунок на сосуде и статуэтки — женская в позе, предполагающей наличие подставки-креслица, и схематическая с наклоненной головкой). В середине — трипольская статуэтка из Александровки и часть изображения на протоламской печати из Аншана. Внизу — Урукский правитель (эн) с жертвенным животным в руках и изображение в верхней части стелы Хаммурапи.

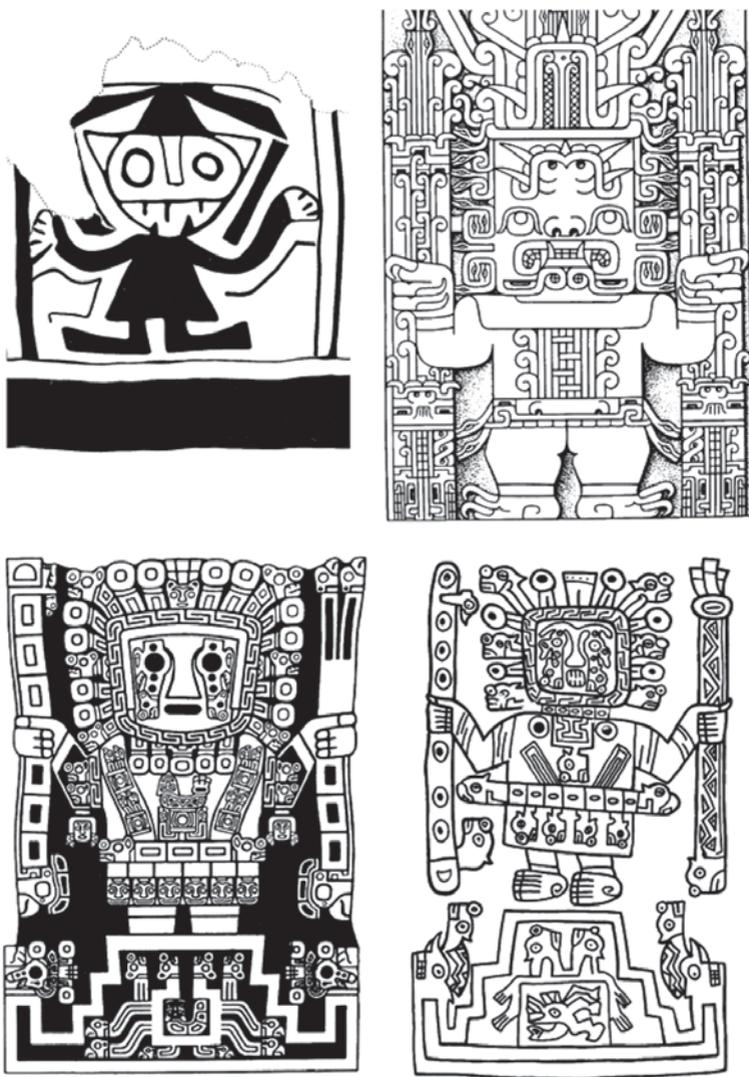

Рис. 2. Божество с жезлами в культурах Центральных Анд: рисунок на сосуде из тыквы из области Норте Чико (середина 3 тысячелетия до н.э.), нижняя часть стелы Раймонди из Чачин-де-Уантар (третья четверть 1 тысячелетия до н.э.), изображения на Воротах Солнца в Тиауанако и на керамике уари с побережья Перу (третья четверть 1 тысячелетия н.э.).